

Волшебная лампа Маши Светловой

Маши Светловой

Лина Вей

Лина Вей

**Волшебная лампа
Маши Светловой**

«Автор»

2026

Вей Л.

Волшебная лампа Маши Светловой / Л. Вей — «Автор», 2026

Лето в Сочи. Тёплое море, горячий песок, запах хвои и солёного ветра. Маша Светлова, обычная девочка из 4 «Б» класса московской школы 5, находит в песке старинную лампу. Не золотую, не блестящую — просто потёртую и странную. Она прячет её в рюкзак и забывает. А дома, когда начинает протирать лампу от засохшего песка, из неё выскакивает джин. Маленький, шумный, торжественный и совершенно не умеющий сидеть тихо. Он объявляет: у Маши есть семь желаний. Любых. И Маша начинает тратить. На пирожные — потому что очень хочется сладкого. На зоопарк — потому что давно мечтала увидеть настоящих жирафов. На контрольную по математике, на парк с колесом обозрения, на кино, на цирк со слонами и тиграми. Каждое желание превращается в маленькое приключение, а рядом всегда оказывается подруга Катя. Но когда остаётся последнее желание, Маша понимает: мама заболела. И теперь надо решить — потратить его на себя или на того, кого любишь больше всего на свете. Добрая, смешная и тёплая история.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Песок и тайна	5
Глава 1. Обычная школа, обычные радости	6
Глава 2. Уроки, шутки и маленькие победы	8
Глава 3. Осмотр находки	10
Глава 4. Семь желаний: первое — пирожные	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лина Вей

Волшебная лампа Маши Светловой

Пролог. Песок и тайна

Солнце жарило так, будто хотело поджарить каждый камешек на пляже до золотистой корочки. Маша лежала на полотенце, шурилась и думала, что это, наверное, самый правильный способ проводить лето — когда кожа тёплая, песок липнет к коленкам, а в голове вообще никаких важных мыслей. Только: «Надо не забыть, что я хотела построить замок», «А вдруг тут есть ракушка с настоящим шумом моря внутри» и «Интересно, сколько ещё можно съесть вафли, чтобы мама не сказала, что на обед ничего не влезет».

Вафлю она доела ещё минут двадцать назад, но крошки всё равно остались — на коленке, на полотенце, даже, кажется, в волосах. Маша лениво стряхнула их, хихикнула, когда одна крошка упала прямо на нос, и снова потянулась за камушками. Она собирала только самые красивые: гладкие, будто отполированные морем, с полосками, пятнышками, с загадочными прожилками. «Это для коллекции, — шептала она себе, будто кто-то мог не поверить в серьёзность её миссии. — А это — точно для браслета. А вот этот, с полоской, как молния, — для тайного послания».

Рядом кричали чайки. Одна села совсем близко, наклонила голову, посмотрела на Машу одним блестящим глазом, будто проверяла: «Ты точно человек, а не большая ракушка?» Маша тихо рассмеялась и подвинулась чуть в сторону — не потому что боялась, а чтобы не мешать. Чайка посидела, подумала, потом взмахнула крыльями и улетела, оставив после себя только лёгкий ветерок и ощущение, что день стал ещё чуточку волшебнее.

И вот, когда Маша уже почти решила, что сегодня никаких особенных находок не будет, пальцы нащупали в песке что-то странное. Не камень, не ракушку, не гладкое стекло. Что-то угловатое, но не острое, с бугорками и выемками, будто кто-то нарочно вырезал на нём узоры. Она вытащила находку, стёрла мокрый песок ладонью и замерла.

Это была маленькая лампа. Потёртая, будто очень старая, с причудливыми завитками, которые сплетались в непонятные, но красивые рисунки. Местами металл потемнел, местами поблёскивал, как будто внутри пряталось немного солнца. Маша повертела её в руках, провела пальцем по узору — он был чуть шершавым, будто его делали не машинкой, а руками, долго и старательно.

«Что это такое?» — прошептала Маша, будто лампа могла ей ответить. Но та молчала. Только блестела на солнце и казалась... особенной. Не как камушек или ракушка, а как вещь, у которой есть своя история. И, может быть, даже секрет.

Маша огляделась, будто кто-то должен был подойти и сказать: «Ой, я тут потерял старинную лампу!» Но вокруг только загорали люди, дети строили замки, а волны тихо шептали что-то своё, понятное только морю. Никто не искал лампу.

Тогда Маша сунула её в рюкзачок, туда, где уже лежали три самых красивых камушка, ракушка без дырки (потому что она «честная») и наполовину съеденная вафля в пакетике. «Потом покажу маме, — подумала она. — Или Кате. Или просто оставлю как тайну». И тут же забыла про неё — потому что в этот момент волна подкатилась совсем близко и лизнула пальцы на ноге, а это было куда важнее любой тайны.

День продолжал течь, тёплый и ленивый. Чайки кричали, солнце светило, крошки от вафли по-прежнему сидели на коленке, будто маленькие якоря, которые держали Машу здесь, в этом моменте. И никто, даже сама Маша, не знал, что в её рюкзачке лежит вещь, с которой всё начнётся.

Глава 1. Обычная школа, обычные радости

Утро началось с того, что будильник зазвенел так бодро, будто сам собирался в школу и звал Машу за собой. Маша приоткрыла один глаз, вздохнула и подумала: «Ну ладно. Ещё пять минут...» Но пять минут не случилось: мама заглянула в комнату, улыбнулась и сказала: «Если ты сейчас не встанешь, твой бутерброд убежит. Он уже почти готов!» И бутерброд действительно ждал — с сыром и кружочком огурца, который Маша называла «зелёным солнышком».

В коридоре пахло школьным завтраком — чем-то тёплым, хлебным, с лёгкой ноткой какао. Маша шла по коридору, и суета вокруг была такой привычной, что казалась почти уютной: кто-то кричал «Стой, ты мою тетрадь уронил!», кто-то смеялся, кто-то торопливо застёгивал пуговицу на рубашке, будто это был последний шанс спасти день. Звонок прозвенел — и тут же все будто подпрыгнули и побежали, как будто он был стартовым выстрелом.

В классе четвёртого «Б» всё шло по плану: Катя уже сидела за их партой и ждала, постукивая карандашом по обложке тетради. Как только Маша плюхнулась на стул, Катя прошептала: «Слушай, на большой перемене надо решить стратегический вопрос: булочка с маком или ватрушка? Я уже третий день выбираю, а всё никак».

Маша задумалась, будто речь шла не о выпечке, а о спасении мира: «Ватрушка надёжнее. В ней точно есть начинка. А в булочке с маком иногда только запах мака».

Катя кивнула, как будто это было очень серьёзное наблюдение: «Логично. Значит, ватрушка. Но если их не будет, тогда булочка. Это запасной план».

На первой паре была математика. И вот тут у Маши внутри будто кто-то тихо пожимал плечами и говорил: «Ну вот, опять эти иксы...» Учительница по математике, Ирина Петровна, ходила между рядами, и её голос звучал строго, но не зло — как будто она проверяла не столько ответы, сколько готовность к бою. «Кто расскажет, как решается задача с дробями?» — спросила она, и в классе повисла тишина, в которой слышно было, как кто-то нервно щёлкает ручкой.

Маша опустила глаза, а пальцы сами потянулись к пеналу. Там, среди ручек и карандашей, прятался маленький брелоккотик. Маша тихонько вытащила его и стала теребить, будто он мог подсказать: «Не бойся, тут всё просто, просто надо дышать». Она не подняла руку, но слушала очень внимательно, как будто если слушать достаточно старательно, задача сама собой станет понятнее.

А потом был русский язык — и тут всё сразу становилось светлее. Учительница, Ольга Сергеевна, говорила про слова так, будто каждое из них — это маленький мир, в который можно шагнуть. «Сегодня мы будем учиться придумывать истории, — сказала она, и Маша тут же выпрямилась, будто её позвали в приключение. — Не обязательно длинные. Пусть это будет короткий рассказ: три предложения, но чтобы в них был герой, действие и... немного тайны».

Маша схватила ручку и начала писать, а в голове уже крутились слова: «В старом доме на краю улицы жил кот, который умел разговаривать только с теми, кто его не боялся...» Катя посмотрела на неё и прошептала: «Ты опять придумываешь? Уже?» Маша кивнула: «Ага. Просто слово тайна сразу тянет за собой целую историю».

После русского был урок физкультуры — и тут Маша будто включалась на полную мощь. Она любила, когда можно было просто двигаться: бегать, прыгать, чувствовать, как ветер бьёт в лицо, а кроссовки стучат по залу. Учитель крикнул: «Эстафета! По четыре человека в команду!» — и Маша тут же подняла руку: «Я! Я в команде!» Катя хихикнула: «Ну всё, теперь мы точно победим. Ты же бегаешь как молния!»

На большой перемене они стояли у буфета, и стратегический вопрос снова встал во всей своей важности. Ватрушки были. Обе. Но одна чуть подгорела по краю, а вторая была румяная, золотистая, будто специально для них. Катя взяла подгоревшую: «Мне нравится, когда корочка

хрустящая». Маша взяла румяную: «А мне нравится, когда она красивая. Но я поделюсь!» Они сели на подоконнике в тихом уголке коридора, где солнечные лучи лежали ровно, как дорожки, и ели ватрушки, стараясь не крошить слишком много.

«После уроков пойдём в парк?» — спросила Катя, откусывая кусочек.

«Да, — сразу ответила Маша, будто это было самое важное решение дня. — Там можно кидать листья в кучу и смотреть, как они летят. И ещё там есть скамейка, где никто не садится, кроме нас».

Катя улыбнулась: «И мы можем придумать продолжение твоей истории про кота. Пусть он найдёт клад. Или друга. Или и то, и другое!»

Маша кивнула, крошки от ватрушки прилипли к её пальцам, и она аккуратно стёрла их, будто это были маленькие секреты, которые не стоило терять. В пенале снова лежал брелоккотик, спокойный и надёжный, как тихий друг, который шепчет: «Всё будет хорошо. Даже если с дробями пока непонятно».

День шёл своим чередом: уроки, смех, вопросы, ответы, крошки, солнечные дорожки, разговоры ни о чём и обо всём сразу. И в этом обычном дне было столько уюта, что он сам становился маленькой историей — той самой, которую хочется перечитывать снова и снова.

Глава 2. Уроки, шутки и маленькие победы

День в четвёртом «Б» шёл как по расписанию, только с приправой из маленьких радостей и крошечных тревог. Первым был русский язык — и тут Маша снова будто расправляла крылья. Ольга Сергеевна дала задание: придумать продолжение к короткому рассказу, и Маша тут же уткнулась в тетрадь, а в голове уже бежали строчки: «Кот тихо подошёл к двери, прислушался... и вдруг услышал, как кто-то скребётся с той стороны». Катя наклонилась через проход и прошептала: «Он там клад нашёл? Или это мышь?» Маша пожала плечами: «Пока не знаю. Он сам мне расскажет».

Потом была математика — и вот тут крылья слегка поджимались. Ирина Петровна писала на доске задачу с дробями, и цифры будто нарочно путались, как нитки в коробке. Маша старательно выводила в черновике шаги решения, хмурилась, стирала ластиком, снова писала. Рядом Катя шептала: «Если представить, что это пирог, то всё проще. Вот тут мы отрезали треть...» Маша кивнула: «Ага. Только мне жалко резать пирог. Лучше его съесть». Катя хихикнула, а потом серьёзно добавила: «Но если надо для задачи — я мысленно отрежу. Ради науки».

Маша старалась. Она не всё поняла, но коечто щёлкнуло: как делить целое на части, как складывать дроби, если у них одинаковые «доньшки» (так она про себя называла знаменатели). Когда Ирина Петровна собирала тетради, Маша положила свою сверху аккуратной стопки и подумала: «Пусть там не всё идеально, но я пыталась. Это уже победа».

На окружающем мире было уютно и спокойно. Они изучали, как растут растения, и учительница показывала картинки: вот росток пробивается сквозь землю, вот появляются первые листочки, вот уже почти цветок. Маша смотрела и вспоминала свой маленький росток в стаканчике на подоконнике: он пока был похож на тонкую зелёную ниточку, но Маша каждый день говорила ему: «Расти, ладно? Я буду тебя беречь».

А потом — перемена. Самая настоящая, с шумом, смехом и запахом мела, который почему всегда казался Маше запахом школьных приключений. Девочки выскочили в коридор, схватили по яблоку из пакета Кати и пошли искать тихий уголок, где можно болтать без помех.

— Давай придумаем свой язык, — вдруг предложила Катя, откусывая яблоко с громким хрустом. — Такой, чтобы никто не понимал, кроме нас.

— А как? — Маша задумалась, катая в пальцах маленький брелоккотик. — Если будем говорить наоборот, это быстро разгадают.

— Тогда будем использовать звуки животных! — Катя хлопнула ладонью по коленке, будто это была финальная идея. — Например, «мяу» — это «привет», «гав» — «пойдём», а «фыр» — это... ну, когда чтото очень нравится.

Маша рассмеялась:

— Получается «кошкособачий» язык!

— Точно! — засияла Катя. — Я гений!

Они тут же начали тренироваться.

— Мяу, фыр, гав! — сказала Катя, делая серьёзное лицо.

— Это значит... «Привет, мне нравится, пойдём»? — догадалась Маша.

— Идеально! — кивнула Катя. — Теперь никто не поймёт, о чём мы болтаем. Даже учителя.

Они хихикали и продолжали придумывать: «кря» — это «секрет», «кукареку» — «срочно», «му» — «я не уверена». В какойто момент мимо прошёл старшеклассник, посмотрел на них и улыбнулся, будто понял, что это самое важное дело на свете — придумывать язык, который существует только для двоих.

После уроков девочки шли домой, и день уже не казался таким строгим. Солнце светило мягче, ветер был тёплым, а воздух пах так, что хотелось вдыхать его поглубже. И пахло выпеч-

кой — свежей, золотистой, с ванилью и корицей. Запах тянулся из булочной на углу, и девочки замедлили шаг, будто он держал их, не давая уйти.

— Вот бы испечь свой пирог, — тихо сказала Маша, глядя на витрину, где лежали румяные булочки и кексы с изюмом.

— Да, — вздохнула Катя. — Чтобы он был наш, собственный. Мы сами всё сделаем: замесим тесто, добавим изюм, поставим в духовку... А потом будем сидеть и есть прямо из формы, пока он ещё тёплый.

— И крошки будут везде, — улыбнулась Маша. — На столе, на полу, даже, наверное, в волосах.

— Зато вкусно, — решительно сказала Катя. — А если что, мама скажет: «Опять кулинары у меня на кухне!» — и всё равно улыбнётся.

Тут они увидели киоск с мороженым, и все мечты о пироге на минуту отступили.

— Можно по одному? — спросила Катя, будто Маша была взрослой и могла разрешить.

— Конечно, — ответила Маша с важным видом. — Сегодня у нас заслуженный десерт. За дробы, за ростки и за «кошкособачий» язык.

Они взяли по вафельному рожку: Маша — с ванильным, Катя — с шоколадным. И пошли дальше, облизывая мороженое и стараясь не дать каплям упасть на одежду.

— Мяу, фыр, — прошептала Катя, косясь на Машу.

— Ага, — кивнула Маша, улыбаясь. — «Привет, мне нравится». Только теперь это про мороженое.

Катя рассмеялась, и смех смешался с шумом улицы, с запахом выпечки и с этим особенным ощущением, когда день уже почти закончился, а хорошего в нём было столько, что его можно было бы разложить по карманам и носить с собой.

По дороге Маша всё время чуть сжимала в кармане брелоккота, но теперь не от волнения, а просто чтобы чувствовать: рядом есть что-то маленькое, надёжное и своё. И этого было достаточно, чтобы обычный день стал чуть-чуть волшебным.

Глава 3. Осмотр находки

Дома было тихо. Не та тишина, когда все затаились и ждут чего-то, а обычная, уютная тишина квартиры, где просто никого нет. Мама задержалась на работе — написала в сообщении: «Ещё часик, солнышко, я почти закончила!» — и Маша кивнула, будто мама могла её увидеть, и сказала вслух: «Ладно, я тут посижу. Всё нормально».

Она бросила рюкзак у двери, как будто он был тяжёлым не от учебников, а от всего школьного дня, и пошла наливать себе стакан воды. Потом вспомнила, что надо разобрать рюкзак: вытащить все бумажки, сложить тетради, проверить, не завалялся ли там недоеденный бутерброд (в прошлый раз он нашёлся через неделю и пах так, что даже кот соседа через стену будто морщился).

Маша села на пол, расстегнула молнию и начала вытаскивать вещи: пенал с брелоком-котиком, тетрадь по математике (с дробями, которые всё ещё смотрели на неё с подозрением), блокнот для историй, три камушка из Сочи, ракушку... и вдруг пальцы нащупали что-то угловатое, с бугорками.

Лампа. Та самая, которую она нашла на пляже и сунула в рюкзак, а потом забыла.

Маша вытащила её и повертела в руках. При дневном свете узоры казались просто царпинами, а сейчас, в полумраке коридора, они будто светились — не ярко, не как лампочка, а так, будто внутри пряталось немного тёплого света, который никак не хотел гаснуть. Лампа была чуть тёплой, как будто её только что достали из духовки. Маша даже приложила к ней ладонь: да, точно тёплая. Не горячая, не обжигающая, а такая, какая бывает у кружки с чаем, когда её только поставили на стол.

«Странно, — подумала Маша. — Она же лежала в рюкзаке. Откуда тепло?»

Она провела пальцем по узорам, стёрла остатки песка, и тут лампа тихонько звякнула — совсем негромко, будто внутри что-то перекаатилось. Маша замерла. А потом, не зная почему, прошептала:

— Ты живая?

И в этот самый момент крышка лампы дёрнулась. Потом подпрыгнула. И с громким «пшшш!» из неё вырвался клуб золотистого дыма, закрутился в воздухе, будто пытался собрать себя в какую-то форму, и вдруг превратился в маленького человечка.

Он был невысокий, в пёстром халате, с остроконечной шапочкой, которая всё время сползала ему на глаза. Он выскочил, замахал руками, подпрыгнул, снова подпрыгнул, будто не мог стоять на месте, и выпалил на одном дыхании:

— Привет, освободительница! Я тут, я готов, я ждал, я даже отрепетировал речь, но забыл её, потому что волновался, а волнение съедает слова быстрее, чем кот сметану!

Маша отшатнулась, прижала спину к стене и вытаращила глаза.

— Ты... кто?! — прошептала она, потому что кричать было страшно, а молчать — ещё страшнее.

— Я джин! — радостно сообщил человечек, крутанулся на месте и чуть не сбил с полки баночку с пуговицами. — Ну, то есть, не просто джин, а твой личный джин, потому что ты меня освободила, а это большая ответственность, и я к ней готов, почти, ну, в смысле, я сейчас соберусь!

— Но я тебя не освобождала... — Маша всё ещё прижималась к стене, будто она могла её защитить от говорящих ламп. — Я просто стёрла песок...

— Это и есть освобождение! — перебил джин, взмахнув руками так, что шапочка слетела и повисла на ухе. — Песок — это как замок. Ты его сняла — дверь открылась. Всё логично! Ну, по джинским меркам.

Маша моргнула. Потом ещё раз. Потом осторожно потрогала себя за щёку — вдруг она спит и видит странный сон про математику, ватрушки и теперь вот это. Но щёка была настоящая, пол был твёрдый, а джин всё ещё крутился перед ней, поправлял шапочку и тараторил:

— У тебя есть семь желаний! Семь! Это много, это серьёзно, это как семь пирожных, только волшебнее. Но тратить их надо с умом, потому что одно желание — это как один кусочек пирога: если съесть сразу, потом будет грустно. Я бы мог дать советы, я много чего знаю, например, как заставить чайник свистеть по нотам, или как сделать так, чтобы носки не потерялись...

— Стой! — Маша наконец смогла выговорить что-то громче шёпота. — Просто... стой. Ты правда настоящий?

Джин замер, сложил руки, попытался сделать серьёзное лицо, но у него не получилось — он тут же подпрыгнул от нетерпения.

— Абсолютно настоящий! — заявил он. — Могу доказать! Смотри!

Он щёлкнул пальцами, и из воздуха появилась маленькая бумажная птичка. Она покружилась над Машей и села ей на плечо. Маша не закричала, но глаза у неё стали ещё больше.

— Или вот! — джин снова щёлкнул, и на ладони у него возник крошечный вихрь, который закружил пылинки в весёлый хоровод. — Видишь? Магия! Настоящая! Ну, почти. Это бытовая магия, она не очень сильная, но зато уютная.

Маша медленно протянула руку и потрогала птичку. Она была из бумаги, но казалась тёплой, будто только что сидела на солнышке.

— Ладно... — прошептала Маша. — Допустим. Ты джин. И у меня семь желаний.

— Да! — просиял джин и тут же снова подпрыгнул. — И я готов помогать! Только скажи, чего хочешь? Может, чтобы дробы сами решались? Или чтобы булочки в буфете никогда не заканчивались? Или...

Маша покачала головой:

— Не сейчас. Я... мне надо подумать. И вообще, мама скоро придёт. Если она увидит... тебя...

Джин тут же присел, будто хотел спрятаться за собственной шапочкой.

— А, да! Взрослые иногда не верят в чудеса. Или верят, но делают вид, что не верят, потому что думают, что так они взрослые. Я понимаю. Я буду тихий. Очень тихий. Как мышка. Ну, или как джин, который старается быть незаметным.

Он сел на край тумбочки, сложил руки на коленях, постарался не двигаться... и тут же случайно задел локтем вазу с сухими цветами. Ваза покачнулась. Джин замер, зажмурился, прошептал: «Пожалуйста, не падай...» — и ваза послушно остановилась. Он выдохнул: «Фух. Спасено!» — и тут же расплылся в улыбке.

Маша не смогла сдержать улыбку в ответ.

— Ты не умеешь быть тихим, да? — спросила она.

— Не очень, — признался джин. — Но я учусь! Каждый день тренируюсь быть спокойным. Правда, спокойствие убегает от меня, как кот от пылесоса.

Маша посмотрела на лампу — она всё ещё была тёплой. Потом на джина. Потом снова на лампу. И вдруг поняла, что страх почти ушёл. Осталось удивление, немного недоверия и... странное чувство, будто день, который начинался как обычный, вдруг свернул на другую улицу — туда, где возможно всё.

— Ладно, — сказала она, вставая с пола и аккуратно ставя лампу на полку, поближе к камушкам из Сочи. — Ты пока посиди тут. А я... я пойду сделаю чай. И подумаю.

— Можно мне тоже чаю? — спросил джин, стараясь говорить тихо, но всё равно громко. — Только без мяты. У джинов от мяты начинается чихание, а чихающий джин — это стихийное бедствие.

Маша хихикнула — впервые за всё это время:

— Ладно. Без мяты.

Пока она шла на кухню, джин тихонько сидел на тумбочке, старался не шевелиться и шептал себе под нос: «Спокойствие. Тишина. Не ронять вещи. Не пугать девочку. Всё хорошо». Но в его глазах плясали искорки, будто внутри него горел маленький, очень весёлый костёр.

А в коридоре пахло домом — пылью, книгами, остатками дневного тепла и чем-то ещё, новым, будто в квартиру вместе с Машей проскользнуло маленькое чудо, которое пока не знало, куда себя деть, но очень хотело быть полезным.

Глава 4. Семь желаний: первое — пирожные

— Так, давай по порядку, — джин сел на край стула, который для него был великоват, и сложил руки, будто собирался читать лекцию. — У тебя ровно семь желаний. Не шесть, не восемь, а семь. Это как семь дней недели, только вкуснее. И тратить их надо с умом. Не на всякую ерунду вроде «хочу, чтобы шнурок сам завязывался» — хотя я и без желания могу попробовать...

Маша сидела на полу у полки, где стояла лампа, и слушала, стараясь не улыбаться слишком широко — будто если она будет серьёзной, всё это станет чуть более настоящим.

— А если я захочу что-то... ну, важное? — спросила она. — Например, чтобы кто-то не болел?

Джин сразу перестал жестикулировать и стал неожиданно тихим.

— Тогда это точно надо оставить на потом, — сказал он уже не тараторя, а медленно, будто каждое слово было тяжёлым. — На самое важное. А первое желание... оно должно быть про радость. Чтобы ты поняла: волшебство — это не только про большие дела. Иногда оно про кусочек счастья, который можно съесть.

Маша задумалась. В голове крутились разные варианты: «Хочу, чтобы дробы стали понятными», «Хочу, чтобы котёнок нашёл дом», «Хочу, чтобы мама всегда улыбалась»... Но тут живот тихонько буркнул, будто напомнил: «А ещё я хочу пирожное». И Маша вдруг рассмеялась:

— Знаешь, я думаю... первое желание будет про пирожные. Самые вкусные, какие только бывают.

Джин подпрыгнул так, что шапочка снова сползла ему на нос, но на этот раз он даже не заметил.

— Отличный выбор! — воскликнул он. — Это очень правильное первое желание. Потому что после пирожного даже дробы кажутся чуть добрее.

И тут комната будто качнулась — не сильно, как шторм, а так, будто кто-то тихонько повернул ручку, меняя картинку. Свет стал чуть золотистее, воздух пах свежей выпечкой, а перед ними возникла уютная кондитерская: деревянные столики, мягкие стулья, витрины, в которых пирожные выстроились, как нарядные солдатики.

На их столе уже стояла маленькая вазочка с живыми цветами. Маша наклонилась и вдохнула: лепестки пахли ванилью — будто кто-то капнул в воду капельку сладкого сиропа.

— Ух ты... — прошептала Маша, оглядываясь.

— Добро пожаловать в «Сахарный уголок»! — торжественно объявил джин, размахивая рукой, как экскурсовод. — Здесь даже ложка улыбается. Ну, почти.

Тут из-за соседнего столика выглянула Катя и тут же вскочила:

— Маша! Ты как сюда попала? Я шла из школы, думала, зайду в булочную, а тут — бац! — и я здесь! И ещё какой-то дядечка в смешной шапочке...

— Это не дядечка, — быстро сказала Маша, будто защищая джина. — Это... мой друг. Его зовут Джин.

Катя посмотрела на него, потом на Машу, потом снова на джина, а потом спокойно села рядом:

— Ладно. Если он из кондитерской, я не против. Тут пирожные.

Джин тут же принял важный вид:

— Я не из кондитерской. Я из лампы. Но да, я одобряю пирожные. Это моя культурная позиция.

Официантка принесла большое блюдо, на котором в ряд лежали пирожные: с воздушным кремом, с ягодами, с шоколадной глазурью, с лимонной начинкой и даже одно, похожее на маленькое солнце — с золотистыми крошками сверху.

— Пробуйте, — улыбнулась официантка. — Сегодня у нас день «можно всё», но по чуть-чуть.

Маша взяла сначала крошечное пирожное с малиной. Откусила — и закрыла глаза от удовольствия.

— Ммм... — протянула она. — Оно как лето. Как варенье, которое бабушка варит в жару, и дом пахнет ягодами.

Катя схватила пирожное с шоколадом:

— Вот это — моё. Если бы счастье было едой, оно выглядело бы именно так.

Джин осторожно взял пирожное с кремом, посмотрел на него, будто оно могло ему ответить, и откусил. Потом замер. Потом зажмурился. Потом выдохнул:

— Это вкуснее, чем пыль веков! — заявил он. — Я серьёзно. Пыль веков — она, знаете, сухая, скучная, без изюминки. А это... это праздник в одном кусочке!

Девочки рассмеялись, и даже Маша, которая всё ещё пыталась вести себя так, будто попасть в кондитерскую посреди дня — это обычное дело, не выдержала и хихикнула.

Они пробовали по маленькому кусочку, обсуждали, какое лучше: Катя настаивала, что шоколад — это закон природы, Маша говорила, что малина — это воспоминание о лете, а джин кивал на каждое пирожное и говорил: «И это тоже прекрасно!»

— А это с лимончиком, — прошептал он, откусывая совсем чуть-чуть. — Оно бодрит. Как утренний крик петуха, только сладкий.

Маша смотрела на них и чувствовала, как внутри становится тепло — не от чая, не от лампы, а от того, что рядом друзья, вокруг вкусно, а день вдруг стал чуточку шире, чем был утром.

Уютно шуршали бумажные салфетки, в вазочке цветы тихо качали головками, будто кивали: «Да, сегодня хороший день». Маша потрогала один лепесток — он был мягкий, как шёлковая ленточка, и пах ванилью так сильно, что казалось, будто этот запах можно собрать в карман и носить с собой.

— Знаешь что, — сказала Катя, вытирая пальцем крем с уголка рта. — Даже если это сон, я не хочу просыпаться.

— Это не сон, — тихо сказала Маша. — Ну, по крайней мере, мне хочется верить, что не сон.

Джин наклонился к ним и прошептал, стараясь говорить тихо, но всё равно громко:

— Это чудо. Маленькое, вкусное, с кремом. И оно настоящее. Просто... не для всех. А для нас — да.

Они ещё посидели, доели по последнему кусочку (Маша оставила каплю крема на ложке и слизнула её, потому что бросать такое — преступление), а потом Катя вздохнула:

— Надо бы домой. Мама будет волноваться.

Маша кивнула. И хотя ей ужасно не хотелось уходить из этой уютной комнаты, где даже часы тикали как-то особенно ласково, она знала: чудеса не должны прятаться. Их надо уносить с собой — в памяти, в улыбке, в запахе ванили на пальцах.

Когда они встали, джин аккуратно подобрал с пола крошечную крошку, которую уронил, и спрятал её в карман своего халата.

— На память, — объяснил он. — Чтобы помнить: иногда самое важное — это просто быть вместе и есть пирожные.

Кондитерская растаяла мягко, без треска и вспышек, как тает утренний туман, если на него светит солнце. И вот они снова в Машиной комнате: на полу коврик, на полке лампа, а

на столе — ничего, кроме вазочки с цветами. Но запах ванили ещё держался в воздухе, будто не хотел уходить.

Маша глубоко вдохнула, улыбнулась и сказала:

— Спасибо. Это было... самое вкусное первое желание.

Джин кивнул, поправил шапочку и тихо добавил:

— Главное, не забывай: шесть желаний ещё впереди. Но пусть следующие будут не только про сладкое. Пусть будут про то, что греет сердце.

А Маша подумала, что, пожалуй, так и сделает. Но сейчас ей было достаточно того, что день подарил ей кусочек счастья — и она бережно уложила его внутрь себя, как кладут в коробочку самое дорогое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.